

УДК 316.375

Духовное здоровье дагестанской учащейся молодежи: социологический анализ рисков и угроз

М. З. Казиева

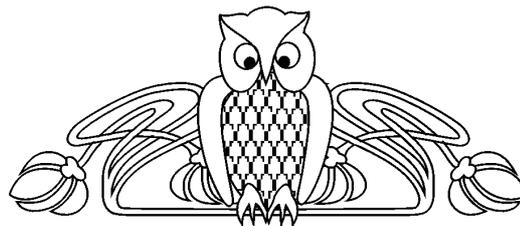
Казиева Мадина Запировна, аспирант кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Дагестанский государственный технический университет, Махачкала, daisy0209@mail.ru

В настоящее время изучение рисков и угроз для сферы духовного здоровья молодежи относится к числу тех социальных проблем, актуальность которых просто не может вызывать сомнения. Социологическое исследование духовного здоровья российского общества невозможно без изучения духовного здоровья молодежи как особой социально-демографической группы. Учащаяся молодежь относится к той категории населения, здоровье которой (и духовное здоровье в том числе) неразрывно связано с понятием «риск». Выбранный нами объект эмпирического исследования неслучаен, поскольку именно молодежь является основным ресурсом общества, определяющим духовно-нравственный потенциал и отражающим перспективы и траектории развития общества. По результатам нашего исследования установлено, что проявлением духовной деятельности дагестанской молодежи, лежащей в основании формирования ее духовного здоровья, является производство социальных и культурных норм, потребностей, т. е. того, что именуется духовными ценностями ценностно-ориентационного пространства. Установлено, что удовлетворение материальных потребностей является мотивацией для опрошенной молодежи к активизации деятельности, угрожающей ее духовному здоровью. Сегодняшней дагестанской молодежи свойственно скорее отвержение традиционного опыта, нежели его усвоение. Сложные социально-политические и экономические условия макросреды развития российского общества способствуют возникновению в ценностном сознании дагестанской молодежи двух разновекторных тенденций: актуализации материальных ценностей и стремлению к новым формам мировоззрения. Допущение дагестанской учащейся молодежью поступков с целью улучшения своих материальных потребностей, которые в цивилизованном обществе осуждаются и наказываются, свидетельствует о глубоком духовно-нравственном кризисе, примате материального над духовным. В целом, мы пришли к выводу о том, что в условиях общества риска составляющей современной духовной жизни дагестанской молодежи стал некоторый отход от традиционных ценностей дагестанского общества и имплементация западных жизненных ценностей и норм.

Ключевые слова: духовное здоровье, дагестанская молодежь, духовные ценности, материальные ценности, риск, учащаяся молодежь.

Spiritual Health of Dagestan Student Youth: Sociological Analysis of Risks and Threats

M. Z. Kazieva

Madina Z. Kazieva, <https://orcid.org/0000-0002-4277-7673>, Dagestan State Technical University, 70 I. Shamil Ave., Makhachkala 367030, Russia, daisy0209@mail.ru

At present, the study of risks and threats in youth spiritual health sphere is one of those social problems, the relevance of which simply cannot be questioned. A sociological study of the Russian society's spiritual health is impossible without studying the spiritual health of youth as a special socio-demographic group. Student youth refers to that category of the population whose health (and spiritual health as well) is inextricably linked with the notion of «risk». The purpose of the empirical research is chosen not accidentally, since it is the youth that is the main resource of society that determines the spiritual and moral potential and reflects the prospects and trajectories of the society development. According to the research results, it has been established that the manifestation of Dagestan youth spiritual activity lies at the basis of the formation of its spiritual health, is the production of social and cultural norms, needs, that is what is called the spiritual values of the values-oriented society. The research results show that satisfaction of material needs is a motivation for the young respondents to intensify activities threatening their spiritual health. At present, Dagestan youth tends to reject the traditional experience rather than its assimilation. The complex socio-political and economic conditions of the development of Russian society contribute to emerging two different trends in the value consciousness of Dagestan youth: the actualization of material values and the pursuit for new forms of worldview. The admission of Dagestan young people's actions to improve their material needs, which are condemned and punished in a civilized society, reveals a deep spiritual and moral crisis, the primacy of the material over the spiritual. It is concluded, that in the conditions of a risk society, the departure from the traditional values of Dagestan society and the implementation of Western values and norms became the component of contemporary Dagestan youth spiritual life. In other words, the process of adopting and implementing Western values and norms of material consumption in the practical activities of youth presents a serious threat to spiritual health.

Keywords: spiritual health, Dagestan youth, spiritual values, material values, risk, students of youth.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-74-81>

Социальные риски той или иной степени выраженности существуют в любом обществе и являются атрибутом всякого социального развития. На данном этапе функционирования общества (так называемого общества неопределенности и риска) разного рода риски стали угрожать нормальному существованию социума, поскольку оказались доведенными до крайней степени выраженности. Причем это риски и угрозы не только природно-экологического, производственно-техногенного характера, но, прежде всего, социального и духовного. Источни-

ком, порождающим риски и угрозы духовному существованию (в том числе и духовному здоровью) молодежи является кризис в социализационно-институциональной сфере российского общества. Поэтому исследование рисков снижения духовного здоровья дагестанской учащейся молодежи необходимо осуществлять в ракурсе изучения кризиса институтов духовной жизни, для которых сегодня характерен невысокий уровень эффективности.

Многие социологи исходят из того, что причиной кризисного состояния институтов духовной жизни, рисков и угроз духовной социализации молодежи выступает деформация духовных измерений общества, утрата способности к поиску и рефлексии глубинных смыслов социального бытия¹.

Отталкиваясь от базового вывода о духовном неблагополучии российского общества как следствия и трансформации российского общества и основного фактора кризиса его культуры здоровья, следует отметить, что в научных исследованиях, так или иначе связанных с духовной составляющей здоровья молодежи, выделяется несколько подходов. Так, одни подходы акцентируют внимание исследователей на влиянии социально-экономических факторов, другие – психосоциальных и объясняющие риски в сфере физического, психосоциального и духовно-нравственного здоровья, третьи – на значимости социокультурных факторов и институтов духовной жизни в формировании и динамике социального и духовного здоровья различных групп населения (социокультурный подход)².

Анализируя духовную жизнь личности, С. В. Соколов называет такие негативные тенденции духовной жизни социума, как все возрастающая тенденция социально-экономического неравенства, разрушение жестких границ между нормой и ненормальным, стремительная погоня молодого поколения за европейским образом жизни, усиливающий духовный кризис. А когда в обществе разрушаются общественные идеалы, то рушатся и социальные и духовные нормы как средства социальной регуляции поведения индивида и группы, что становится источником различных социальных дисфункций и социальных рисков в эпоху господства плюрализма. Именно фактор плюрализации в сфере социальных норм и ценностей стал фактором масштабного кризиса, охватившего прежде всего духовную сферу³.

Глубокий социокультурный кризис как результат постсоветского периода развития России и деформации институтов духовной жизни выразился в формировании пространной зоны духовных рисков в сфере ценностей, потребностей и норм, которые в совокупности стали рисками снижения духовного здоровья молодежи: свойственное современному российскому обществу превалирование материальных ценностей над духовными привело к потере большинством

молодых людей смысла жизни и понижению психосоматического и духовного здоровья⁴. По мнению О. А. Митрошенкова, одной из угроз формированию здоровой духовности является неэффективность института государства проводимой им политики и низкая ее корреляция с декларируемыми целями модернизации России; засилье безвкусицы, пошлости и потребительства в СМИ; недоступность многих социокультурных и духовных благ для большей части населения, а также «утверждение в качестве культурных норм вульгарных образцов, формирующих неразвитые потребности и вкусы населения, особенно молодежи»⁵.

Эмпирической базой исследования является авторский социологический опрос по теме «Духовное здоровье дагестанской учащейся молодежи», проведенный в 2017 г. в Ботлихском, Буйнакском, Дербентском, Карабудахкентском, Казбековском, Кизлярском районах, гг. Махачкала, Хасавюрт, Каспийск Республики Дагестан. $N = 936$. По образовательному признаку: 9-й класс – 43,0%, 10-й класс – 24,9%, 11-й класс – 32,1%; по возрасту: до 15 лет – 35,1%, 16 лет – 19,5%, 17 лет – 14,1%; по гендерному признаку: юноши в возрасте 15–17 лет – 47,2%, девушки в возрасте 15–17 лет – 52,8%; по отношению к религии: 96,9% верующие, 3,1% неверующие.

Рассуждая о социологическом анализе рисков и угроз духовному здоровью дагестанской учащейся молодежи, стоит упомянуть позицию М. Дуглас, говорящей о том, что попытки изучения риска (в том числе и риска духовному здоровью) молодежи без отслеживания и принятия во внимание ее социокультурной специфики являются тщетными⁶.

Отечественные социологи акцентируют внимание на нравственных основаниях риска как необходимого элемента любого выбора. Иначе говоря, отличительной особенностью социокультурного подхода к выявлению рисков и угроз духовному здоровью учащейся молодежи является признание того факта, что риск социально конструируем, и его оценка зависит от ценностных ориентаций, что актуализирует вопросы риска в сфере духовной жизни⁷. Духовная жизнь молодого поколения, будучи сложным, целостным активно-творческим процессом деятельности молодых людей, направлена на освоение и преобразование ими мира, созидания, сохранения, обогащения и освоения культуры. В ходе данного процесса у учащейся молодежи удовлетворяются, продуцируются, развиваются специфические человеческие социальные нормы, ценности и потребности. Духовная жизнь молодежи определяется как способ воспроизводства молодежью ценностей культуры, который опирается на материальные практики и определяет их. Взаимосвязь как материальной, так и духовной жизни общества детерминирована главным связующим началом – человеком, поскольку

именно он выступает субъектом и материальной, и духовной жизни.

Зависимость духовной жизни от материальной никак нельзя назвать абсолютной, и об этом красноречиво говорит относительная самостоятельность разумных форм общественного сознания. Так, по мнению М. А. Магомадова, множество различных явлений в социальной, культурной, научной, духовно-нравственной и иных сферах жизни не представляется возможным интерпретировать лишь из материальной жизнедеятельности. К примеру, программы ядерного вооружения или клонирование учеными живых организмов, требующие огромных финансовых затрат, никак не обусловлены актуальными материальными потребностями общества. Все это свидетельствует о проблеме глобального характера, связанной с переходом к постиндустриальному (информационному) обществу. В этой проблеме современные ученые гуманитарных направлений (культурологи, социальные философы, социологи и др.) видят, с одной стороны, трансформацию духовной жизни общества, а с другой – нравственно-психологическую, культурную и духовную трансформацию человека, что неизбежно ведет к рискам в области духовного здоровья. Нравственно-психологическая и духовная трансформация приводит к массовым нарушениям психики различных слоев населения, и прежде всего молодежи как особо уязвимой группы. Результатом трансформации личности молодого человека является склонность к девиациям и аддиктивному поведению, социальной агрессии, безысходности и социальной апатии, культу потребления, неадекватному восприятию окружающей действительности, преобладанию материального над духовным⁸.

В ходе реформирования в духовной сфере российского общества нельзя не заметить ряда негативных аспектов деятельности СМИ, так или иначе являющихся угрозой для формирования духовного здоровья учащейся молодежи. Согласно результатам социологических исследований Центра социологии молодежи ИСПИ РАН, тенденции трансформационных изменений ценностных ориентаций современной молодежи в условиях неопределенности и кризиса духовной жизни заключаются в следующем: во-первых, для процесса формирования ценностной структуры молодежного сознания характерно противоборство двух пластов – традиционного (духовно-нравственного) и современного (прагматично-потребительского), причем отмечается тенденция движения по направлению к современным ценностям в противовес традиционным; во-вторых, изменения структуры ценностных ориентаций учащейся молодежи отражают процесс рационализации и прагматизации молодежного сознания. Это связано с тем, что в молодежных ценностных ориентациях явно обнаруживаются противоречия между рацио-

нально-прагматичными и духовно-нравственными ценностями, что, безусловно, является отражением кризисных явлений духовной жизни⁹ и, как следствие, становится причиной слабого развития духовного здоровья молодежи.

Здоровье стало важнейшим инструментом достижения прагматических целей, и среди квалификационных признаков концепта здоровья у современных россиян исследователи выделяют здоровье как ценность, но ценность инструментального порядка, когда здоровье интерпретируется как понятие экономическое («здоров буду и денег добуду»), прагматически заряженное (22,1%); здоровье как условие успешной и хорошей жизни (5,2%); здоровье как духовная составляющая – «жадность – здоровью недруг» (5,2%); здоровье как физическая составляющая (7,8%); здоровье как гармоничный идеал – «в здоровом теле здоровый дух» (3,0%); здоровье как отсутствие болезни (1,3%)¹⁰.

На своеобразие единства молодежи Дагестана разрушительно действуют современные процессы глобализации, которые стирают всю национальную специфику духовного становления и способствуют порождению национального нигилизма¹¹. Сегодняшней дагестанской молодежи свойственно скорее отвержение традиционного опыта, нежели его усвоение.

Развитость или неразвитость принципов духовного здоровья у дагестанской учащейся молодежи показывает допустимость тех или иных поступков с целью получения материальной выгоды и улучшения своего материального состояния. Поэтому для нас важным является установление соотношения духовных и материальных ценностей, а также существующих в молодежной среде современного дагестанского общества духовных тенденций и рамок, за пределы которых опрошенные не будут выходить ни при каких условиях.

Так, согласно нашим исследованиям, результаты ответов на вопрос «Если Вам представится возможность получения материальной выгоды, что для Вас будет более приемлемым из нижеперечисленных вариантов?» показывают следующую не очень приглядную картину. В частности, больше половины опрошенных допускают возможность «перепродажи товаров» (61,1%), в 2 раза меньше доля готовых с целью получения материальной выгоды заключить «брак по расчету» (32,3%), причем по гендерному признаку больших отличий не выявлено (31,7% юношей и 32,8% девушек). Каждый восьмой опрошенный по всему массиву (11,8%) готов на «физическую близость за плату», причем среди юношей их доля почти в 2 раза больше (14,4%) по сравнению с девушками (8,6%). Отсюда можно сделать вывод о том, что, несмотря на тяжелое материальное положение и неудовлетворенность им, дагестанские респонденты-девушки, по сравнению с юношами, демонстрируют отрицательное

отношение к возможности «вступления в физическую близость за плату». Далее, 12,0% среди юношей и 5,6% опрошенных девушек приемлют взятку, и статистически небольшая доля респондентов отметила суждения «кража, воровство» и «мошенничество» (по 5,5%). В данном аспекте следует отметить, что такие противоправные действия, как взятничество, кража, мошенничество, являются уголовно-наказуемыми поступками, за которые придется нести ответственность. Кроме того, среди юношей, по сравнению с девушками, почти в 2 раза больше доля допускающих возможность получения взятки с целью улучшения своего материального благополучия. Как известно, ни одно религиозное учение (и мусульманство в особенности) не допускает и не поощряет вышеприведенные поступки для получения материальной выгоды, более того, некоторые из них считаются смертным грехом. Так, в православной аскетике им соответствуют восемь главных греховных страстей: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость.

В этой связи интересным для нас является анализ результатов опроса на данный вопрос по отношению к религии. Так, 32,0% верующей и 26,7% неверующей молодежи допускают вступление в брак по расчету; в то время как 60,0% верующих и 80,0% неверующих могут заняться перепродажей товаров; на физическую близость за плату готовы пойти 12,0% верующих, а таковых среди неверующих почти в 2 раза меньше (6,7%); 8,5% верующих и в полтора раза больше неверующих (13,3%) могут получить взятку, 5,4% верующих и 6,7% неверующих могут допустить кражу. Однако при этом каждый третий самоидентифицирующийся как неверующий принимает мошенничество против статистически небольшой доли верующих (4,4%).

В контексте сказанного выше заметим, что в исламской религии для категории населения, занятой торговлей, не установлен четкий критерий, по которому жестко определена наценка на товар, но при этом сформирована позиция, что торговая сделка должна быть произведена по обоюдному согласию. На первый взгляд такое либеральное отношение в торговой сфере не свидетельствует о допустимости в мусульманстве установления не соответствующей реальной стоимости продаваемой продукции цены, ибо в исламе порицается спекуляция, т. е. когда создается искусственный дефицит товара с целью его перепродажи, а также монополизация рынка.

В условиях возрастания социально-экономической неопределенности молодые люди с различным уровнем религиозности могут быть уязвимы в сфере духовного здоровья, поскольку религия как особая область сознания, мировоззрения и мироощущения неизбежно оказывает определенное воздействие на образ жизни мо-

лодежи, на все области духовного производства, культурные традиции, на всю многообразную социальную среду, на поведение современной молодежи¹².

Таким образом, удовлетворение материальных потребностей для опрошенной молодежи является мотивацией к активизации деятельности, угрожающей ее духовному здоровью. Свидетельством обеднения духовной сферы жизни современной дагестанской молодежи, утраты ею нравственных устоев становится тот факт, что опрошенная молодежь в определенной мере позитивно настроена к перепродаже товаров, которая может перейти в спекуляцию, браку по расчету, проституции, взяткам, воровству и мошенничеству. Также обращает на себя внимание, что духовно-моральный статус девушек заметно выше, по сравнению с мужской частью опрошенного массива учащейся молодежи. Иными словами, наличие в массовом сознании дагестанской молодежи тенденций, допускающих определенное асоциальное поведение, свидетельствует о том, что в духовной сфере современного дагестанского общества происходят очень сложные и противоречивые процессы, что подтверждает неблагоприятный рискогенный климат в данной области.

На своеобразии единства молодежи Дагестана разрушительно действуют современные процессы глобализации, которые стирают всю национальную специфику духовного становления и способствуют порождению национального нигилизма. Сегодняшней дагестанской молодежи свойственно скорее отвержение традиционного опыта, нежели его усвоение. И даже тенденции религиозного возрождения в Дагестане, ориентация молодого поколения следовать исламским нормам поведения вряд ли сможет кардинально поменять ситуацию в данной сфере. Вместе с тем, по нашему мнению, культивирование общечеловеческих ценностей сможет выполнить позитивную роль в формировании духовного здоровья современной дагестанской молодежи. Одним из важнейших микросоциальных факторов, обеспечивающих активность молодежи в реализации проводимых реформ, становлении экономически сильной и политически стабильной России является социально-психологический настрой, готовность действовать в соответствии с определенными общественными установками и ценностными ориентациями. Ценности, ценностное сознание может быть как ускорителем проводимых преобразований, так и его тормозом. Поэтому весьма значимой и актуальной предстает задача исследования ценностного содержания деятельности молодежи¹³.

Проблема ценностей имеет многоплановый и многоуровневый характер. С одной стороны, к ним относят все то, что имеет значимый характер, – все результаты и продукты материальной, духовной деятельности. С другой стороны, цен-

ностями считают определенные духовные образования: идеалы, цели, представления о должном, прекрасном и истинном. Следовательно, надо различать ценности, которые могут быть материальными благами, обладать полезностью, удовлетворять жизненно необходимые потребности, выражать интересы, и ценности, которые суть продукты, результаты духовного производства, определенные духовно-идеальные образования, выражающие отношение индивида (группы, общества) к окружающему миру и являющиеся ориентирами поведения молодых людей¹⁴.

Если обратиться к нашему исследованию, то на вопрос «Что для Вас является наиболее важным в Вашей жизни?» получены следующие результаты: важными для опрошенных являются несколько параметров, среди которых по всему массиву доминируют «семья» (94,1%), «здоровье» (77,7%), «религия» (72,5%), «друзья» (63,6%), «учеба» (59,3%); 25,2% респондентов указали на значимость «общения», «удовлетворения духовных потребностей» (по 19,8%), а также «удовлетворение материальных потребностей» (19,5%); для статистически небольшой доли опрошенных важны «культурный досуг» (7,1%) и «общественное признание» (6,4%).

Это, на наш взгляд, можно считать показательным результатом, поскольку учащаяся молодежь Республики Дагестан видит взаимосвязь между семьей, здоровьем, религией, друзьями и учебой. При этом общественное признание занимает последнее место, из чего можно умозаключить, что молодежь, так или иначе нацеленная на удовлетворение материальных потребностей, не отдает себе отчета в том, что материальное благополучие не может быть оторвано от общественного признания. Более того, самой благородной традицией, особо чтимой в Дагестане, является существование межнационального согласия, позитивной межэтнической коммуникации и стабильности в обществе. И то, что молодежь ставит важность общения наряду с удовлетворением материальных потребностей, указывает на противоречивость, амбивалентность и некоторую степень инфантильности нормативного духовного сознания молодежи.

По месту проживания существенных отличий между позициями сельской и городской молодежи в определении наиболее важных в их жизни ценностей не установлено: так, 93,5% сельчан и 95,1% горожан важным считают «семью»; фактор «здоровье» отмечен 74,9% городской молодежи, доля таковых заметно больше среди сельской молодежи (81,6%). Маркер «религия» значим для 82,7% опрошенных в сельской местности, в городе доля отметивших его существенно ниже (65,1%). Важность иметь друзей подчеркивается 67,6% сельской и 60,8% городской молодежи; также, по сравнению с городской молодежью (51,4%), 70,3% опрошенно-

го сельского подмассива ориентированы на «учебу». Далее, одна четвертая часть горожан и одна пятая часть сельчан указали на значимость общения; также обращает на себя внимание позиция опрошенных в отношении «удовлетворения материальных потребностей» (23,9% городской и заметно меньшая часть сельской молодежи – 13,5%), на необходимость «удовлетворения духовных потребностей» указали 22,0% в городе и 16,8% в селе.

Таким образом, результаты нашего исследования показывают, что для учащейся дагестанской молодежи при определении важной для себя системы ценностей заметные отличия не характерны, но вместе с тем такие различия проявляют себя при анализе полученного эмпирического материала по отношению к религии и месту проживания. Ценность индикатора «семья» для дагестанской молодежи не теряет своей значимости и по-прежнему остается одной из существенных традиционных ценностей, в отношении которой в массовом сознании имеется полное единогласие независимо от места проживания, пола, отношения к религии и возраста. Кроме того, индикатор «религия» выступает одним из значимых параметров жизненных ориентиров дагестанской молодежи, что вполне объяснимо на фоне усиления роли исламского вероучения в современном дагестанском обществе.

Несмотря на значимость нематериальных ценностей, нельзя сбрасывать со счетов важность материального компонента: исследователи отмечают существенный сдвиг ценностных ориентиров современной молодежи в сторону прагматизма. Поэтому материальное благополучие, ориентация на обеспеченную жизнь нельзя осуждать, хотя их гипертрофия тоже способствует духовному оскудению, при том что молодежь отмечает значимость денег, богатства и роскоши: деятельность, ориентированная на достижение материального благосостояния, утратила моральное осуждение, а сами деньги стали мощным регулятором не только экономического поведения, но и духовно-нравственных отношений¹⁵.

Далее в нашем исследовании респондентам был задан вопрос «Какие отрицательные явления (пороки) среди учащейся молодежи в дагестанском обществе тревожат Вас более всего?», позволяющий выявить существующие в массовом сознании молодых дагестанцев ценностные установки. Полученные данные показывают, что больше половины опрошенных волнуют проблемы наркомании (79,9%), алкоголизма (63,3%), хамство, грубость в отношении представителей старшего поколения (61,7%), плохое воспитание (61,5%), проституция (54,4%), воровство, кражи личного (государственного) имущества (54,9%); однако не менее актуальны и существование вражды и неприязни к людям другой национальности (44,2%), падение морали и нравственно-

сти (38,3%), вражда и неприязнь к людям иного вероисповедания (36,9%), неуважение личности (33,0%), страсть к деньгам, обогащению (25,5%), отсутствие личной безопасности (в общественных местах, на улице) и уклонение от службы в армии (по 10,7%). Можно сказать, что морально-нравственный кризис приобретает характер своеобразной личной потери на фоне ослабления таких качеств, как человечность, милосердие, доброта, знание общечеловеческих моральных принципов, истории и традиций своего народа и т. д. Иными словами, моральный «облик» дагестанского общества, впрочем, как и качество межличностных взаимоотношений, выступают своего рода «болевыми точками» массового сознания дагестанской учащейся молодежи.

На вопрос «Какие поступки и поведение лично для Вас являются недопустимыми и не могут быть оправданы?» большая часть дагестанских респондентов придерживается отрицательного отношения практически ко всем перечисленным вариантам ответов. При этом первую пятерку составляют самоубийство (60,1%), проституция (59,8%), сексуальные связи с человеком своего пола (58,4%), употребление наркотиков (53,1%) и добрачные сексуальные связи (44,5%), которые негативно воспринимаются общественным сознанием. Следующую пятерку, которая не менее значима для опрошенных, составляют пьянство (43,3%), политическое убийство (39,3%), измена Родине (37,5%), публичное проявление неприязни к представителям иных национальностей (34,1%), курение (30,7%); третья пятерка включает в себя обогащение за счет других (28,6%), нарушение законов (26,4%), дача/получение взятки (21,1%), покупка краденых вещей (18,6%), уклонение от службы в армии (10,7 %); при этом невысокий уровень осуждения имеют наличие деловой необязательности (8,9%) и безбилетный проезд в транспорте (8,6%).

Ранее в ответе на вопрос «Какие отрицательные явления (пороки) среди учащейся молодежи в дагестанском обществе тревожат Вас более всего?» отмечали позицию «проституция», и в ответах на вопрос «Какие поступки и поведение лично для Вас являются недопустимыми и не могут быть оправданы?» 54,6% опрошенной сельской молодежи и 63,5% городской отмечают неприемлемость для себя «проституции», которое дополняется суждением «сексуальные связи с человеком своего пола» (56,2% сельской молодежи и 60,0% в городе). На недопустимость курения указывает 39,5% сельской и заметно меньшая доля городской молодежи (24,3%); также 43,8% сельчан и 45,1% горожан не принимают «добрачные сексуальные связи». Результаты опроса позволяют сделать вывод о более высоком правосознании сельской молодежи по сравнению с городской, которая не поощряет «нарушение законов» – 35,1 и 20,0% соответственно. При этом 38,4% городской мо-

лодежи подчеркивает неприемлемость для себя «публичного проявления неприязни к представителям иных национальностей» против 28,1% сельчан.

Если посмотреть на результаты данного опроса в возрастном разрезе, то в определении практически всех поступков между поколениями 15–16 лет и 17–18 лет разницы не выявлено, зато в определении недопустимости для себя «политического убийства» и «измены Родине» можно отметить отличия: доля осуждающих «политическое убийство» в возрасте 15–16 лет составляет 42,5% против 34,1% 17–18-летних; измену Родине осуждают 54,6% опрошенных в возрасте 15–16 лет и 50,6% 17–18-летних. Иными словами, результаты нашего исследования не свидетельствуют о наличии в современном дагестанском обществе возрастной преемственности морально-нравственных установок. Кроме того, мы исходим из предположения, что материальное положение респондента в существенной степени определяет степень принятия моральных норм: материальное положение не принимающих многие морально-нравственные нормы, значительно выше, хотя в нашем исследовании каждый второй опрошенный по всему массиву уровень материального благосостояния своей семьи оценивает как «хорошее, мы можем себе позволить все необходимое» (40,5%) и каждый третий считает его средним – «мы можем себе позволить покупку многих вещей, но покупка действительно дорогих вещей (машина, квартира, дом и т. д.) вызывает затруднения» (39,3%). Более того, мы допускаем возможность более легкой формы адаптации в новых условиях для категорий людей, у которых низкие, по сравнению с другими, морально-нравственные нормы и стандарты поведения.

Таким образом, сопоставление двух вопросов «Какие отрицательные явления (пороки) среди учащейся молодежи в дагестанском обществе тревожат Вас более всего?» и «Какие поступки и поведение лично для Вас являются недопустимыми и не могут быть оправданы?» показывает, что опрошенные ни в коей мере не приемлют, более того, и не оправдают поступки, наличие которых в современном дагестанском обществе вызывают у них тревогу, что свидетельствует о формировании в установках дагестанской учащейся молодежи понятий «духовное здоровье» и «духовно здоровый человек». Если результаты ответов на первый вопрос показывают факторы ухудшения духовного здоровья, то второй вопрос свидетельствует о возможном поведении дагестанской учащейся молодежи.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что на довольно низких позициях находятся нормы и правила поведения, характеризующие отношения человека с властью и законом. Как показывают результаты нашего исследования, многие поступки, среди которых можно отметить взяточничество, нарушение законов, укло-

нение от службы в армии и т. д., опрошенными в той или иной степени не осуждаются, более того, даже не вошли в десятку недопустимых моральных норм. Но при этом можно констатировать существование неизменной интолерантности в установках дагестанской молодежи к поступкам, которые традиционно относят к аморальным (самоубийство, проституция, сексуальные связи с человеком своего пола, употребление наркотиков и добрачные сексуальные связи). То есть вышеперечисленные поступки не теряют общественного порицания и по-прежнему находятся в морально-нравственной сфере и, следовательно, регулируются посредством моральных норм. В целом в структуре ценностного сознания современной учащейся молодежи преобладают ценности, носящие преимущественно индивидуалистический, дифференцирующий характер. Они связаны с достижением лично значимых целей, при этом ценности интегративного характера утратили свои доминирующие позиции.

Результаты авторского исследования фиксируют изменения в ценностных предпочтениях: растет значимость индивидуальных ориентаций, для одних – это отдых и развлечения, для других – красивая и комфортная жизнь, для третьих – собственное благополучие и карьера, для четвертых главными остаются ценности благополучия своей семьи, здоровья, хорошей (оплачиваемой) работы. Эти выводы подтверждают тенденцию к росту идеологического и мировоззренческого плюрализма, многовариантность, «мозаичность» и фрагментарность молодежного мировоззрения. Усиливаются позиции тех, для кого важнейшими становятся ценности собственности и имущественного положения, реализуемые сквозь призму утилитаризма, индивидуальных предпочтений и устремлений.

Все это позволяет нам сделать вывод о том, что в условиях общества риска составляющей современной духовной жизни дагестанской молодежи стал некоторый отход от традиционных ценностей дагестанского общества и имплементация западных жизненных ценностей и норм. Иными словами, серьезной угрозой духовному здоровью стал процесс перенимания и претворения в практической жизнедеятельности молодежи западных ценностей и норм материального потребления. В обществе риска старые ценности и нормы в сознании молодежи подвергаются сомнению, утрачивают свою стабильность, основной смысл духовной социализации перемещается с простого усвоения социально-культурных ценностей и норм на поиск установок и способов деятельности, соответствующих меняющимся общественным условиям и нормативам.

Таким образом, в ценностном сознании дагестанской молодежи можно выделить следующие характеристики: 1) амбивалентность, сочетание противоположных и противоречивых оценок; 2) нестабильность, изменчивость; 3) эклектич-

ность, сочетание элементов различных ценностей; 4) отсутствие выраженного интереса к политике и властным отношениям, стойкая политическая индифферентность; 5) «приниженность» духовных идеалов, доминирование прагматических установок; 6) ориентации на гедонистические ценности, получение гедонистических наслаждений; 7) преобладание инструментальных ценностей над терминальными.

Многие прежние ценности заменяются «новыми», некоторые из традиционных перемещаются на периферию ценностного сознания, хотя по-прежнему играют значительную роль в мотивационно-ценностной структуре определенной части молодежи. Ее установки и поведение – лишь в большей или меньшей степени адекватная реакция на происходящие изменения в современном российском, в том числе и дагестанском, обществе, опирающиеся на собственные представления о значимости тех или иных ценностей и их роли в самореализации.

Кроме того, имеет место слабое влияние российской общественности на формирование у молодежи здоровых потребностей и укоренение высоких духовных ценностей в сознании и поведении.

Примечания

- 1 См.: *Арсланов В.* Постмодернизм и русский «третий путь»: tetium datur российской культуры XX века. М.: Культурная революция, 2007. С. 178–182.
- 2 См.: *Везрманн Р., Хелемяэ Е.* Оценка здоровья мужчинами и женщинами в России, Эстонии, Литве и Финляндии // Социс. 2016. № 7. С. 109–118; *Рагимова О. А.* Динамика социального здоровья подрастающего поколения // Изв. Сарат. ун-та. Нов. Сер. Сер. Социология. Политология. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 20–23.
- 3 См.: *Соколов С. В.* Проблемы развития мира в условиях глобализации // Россия и проблемы глобализации: материалы III регион. науч. конф. (Н. Новгород, 15 апреля 2002 г.). Н. Новгород: НКИ, 2002. С. 87; *Бауман З.* Социология постмодернизма. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 1991. С. 16; *Filyushkina D. V., Volkov Yu. G.* Spiritual lumpenization of the Russian society in the circumstances of globalization // Middle East Journal of Scientific Research. 2014. Т. 21, № 3. С. 449–452.
- 4 См.: *Вавилова И. Н.* К вопросу о духовно-нравственном развитии личности // Армия и общество. 2013. № 1 (33). С. 1–6.
- 5 *Митрошенков О. А.* Пространство российской духовной культуры: испытание переменами // Социс. 2005. № 11. С. 39.
- 6 Цит. по: *Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К.* Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001. С. 23.
- 7 См.: *Шахбанова М. М.* Язык как признак этнической самоидентификации // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. Вып. 2. С. 289–294; *Ее же.* Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов (на примере андо-цезской группы). Махачка-

- ла : АЛЕФ, 2012 ; *Ее же*. Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения андо-цезских народов Дагестана : дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д, 2012 ; *Ее же*. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала : АЛЕФ, 2016.
- ⁸ См.: Магомадов М. А. Отражение закономерностей духовной жизни общества // Вестн. СГУ. 2007. № 48. С. 27–31 ; Янковская О. В. Противоречия техногенного общества и их отражение на духовных ценностях молодежи // Вестн. КГУ. 2008. № 4. С. 275–278.
- ⁹ См.: Власова В. Н., Щербакова Л. И., Самыгин С. И. Система ценностных ориентаций молодежи как отражение кризиса духовной жизни общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 2. С. 22–26.
- ¹⁰ См.: Петкау А. Ю. Паремиологический портрет концепта здоровье в постсоветскую эпоху // Вестн. НовГУ. 2014. № 77. С. 92–93.
- ¹¹ См.: Ибрагимова П. А. СМИ и культурные традиции Дагестана // Вестн. НГГУ. 2012. № 1 (2). С. 313.
- ¹² См.: Юсупова Г. И., Гаджимурадова А. К. Роль религии в межкультурном и межцивилизационном диалоге Запада и Востока // Вестн. ДНЦ РАН. 2012. № 47. С. 100–109.
- ¹³ См.: Ибрагимова П. А. Указ. соч. С. 313–314.
- ¹⁴ См.: Петров А. В. Ценностные предпочтения молодежи : диагностика и тенденции изменений // Социс. 2008. № 2. С. 83.
- ¹⁵ См.: Самсонова Е. А., Ефимова Е. Ю. Молодежь Тулы : ценностные ориентации и реалии повседневной жизни // Социс. 2007. № 11. С. 113.

Образец для цитирования:

Казиева М. З. Духовное здоровье дагестанской учащейся молодежи: социологический анализ рисков и угроз // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 74–81. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-74-81>

Cite this article as:

Kazieva M. Z. Spiritual Health of Dagestan Student Youth: Sociological Analysis of Risks and Threats. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 74–81 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-74-81>